

УЧЁНЫЕ В ПОГОНАХ

О роли науки в развитии страны, о необходимости уделять исследованиям и разработкам должное внимание заставляет ещё и ещё раз задуматься недавно вышедшая книга Александра Алексеевича Зацаринного "Военный институт связи на службе Родины. К столетию создания" о 16-м Центральном научно-исследовательском испытательном ордена Красной Звезды институте имени маршала войск связи А.И. Белова Министерства обороны Российской Федерации, старейшем в системе военных НИИ в нашей стране. На мой взгляд, эта работа заслуживает пристального внимания.

АВТОР ПОШЁЛ БОЛЬШОЙ ПУТЬ от младшего научного сотрудника до заместителя директора по научной работе этого института, от лейтенанта до генерал-лейтенанта. В 2000-е годы он был сотрудником управления начальника связи Вооружённых сил Российской Федерации, заместителем директора Института проблем информатики, а сейчас является главным научным сотрудником Федерального исследовательского центра "Информатика и управление" Российской академии наук.

Роль науки в развитии страны велика. О её значении говорил В.В. Путин в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 01.03.2018: "Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает стремительно, идёт резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперёд. Тех, кто не сможет это сделать, она, эта волна, просто захлестнёт, утопит. Технологическое отставание, зависимость означает снижение безопасности и экономических возможностей страны, а в результате — потерю суверенитета. Именно так, а не иначе, обстоит дело".

На что прежде всего следует опираться? В научном пространстве можно выделить фундаментальные исследования, прикладную науку и опытно-конструкторские разработки. Казалось бы, всё у нас есть, но следует признать, что в последние 30 с лишним лет роль науки в развитии России невелика... В чём же дело? Что идёт не так?

Фундаментальная наука исследует неизвестные свойства природы, общества, человека. Ранее, в добрые старые времена, эти работы координировала Академия наук СССР, которую называли "штабом советской науки". В её состав входило более 300 научных институтов. К концу 1980-х годов научно-технический комплекс СССР занимал второе место в мире после США. Сопоставимы были затраты на этих стран на эту деятельность (2,3–2,4% от ВВП). Особенность фундаментальной науки в том, что она работает за горизонт — как правило, полученные в лабораториях результаты приходят в практику через 40–50 лет. Например, после открытия Майклом Фарадеом электромагнитной индукции появилась возможность делать электродвигатели, но эта отрасль промышленности появилась через полвека после открытия. После эйнштейновских уравнений для индуцированного излучения стала понятна возможность создать лазер, но и тут понадобилось 40 лет, чтобы эта идея получила практическое воплощение.

В 2024 году мы отмечаем грустный юбилей. Десять лет назад у академии в соответствии с принятым тогда законом отобрали исследовательские институты, передав их в Министерство науки и образования, и лишили её статуса научной организации. Лишение статуса означает, что у академии отняли право вести научные исследования и превратили её в клуб с отличной стипендией для членов. Не стоит обсуждать эти решения — их последствия будут ясны через десятилетия.

ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКИЕ РАБОТЫ в мире ведут крупные высокотехнологичные корпорации — IBM, Apple, Boeing и т. д. Но за время российских реформ подобных корпораций в России не создано.

Остаётся прикладная наука. На неё вся надежда. К сожалению, в окладные 1990-е годы большинство из научных организаций ликвидировали. Счастливым исключением являются институты Росатома и Минобороны. Здесь путь от разработки до практического воплощения занимает 10–12 лет. Благодаря своим серьёзным прикладным исследованиям Росатом является мировым лидером в этой области. Огромное значение имеют разработки военных институтов. Во многом благодаря их работе нашей стране удалось добиться стратегического паритета с США.

В современной армии огромна роль связи, без которой армия превращается в группу хаотически действующих вооружённых людей. У вооружённых сил нашей страны были три проблемы: связь, разведка и целеуказание.

Их значение, например, показывало сражение при Танненберге (26–30 августа 1914 г.) в ходе Восточно-Прусской операции Первой мировой войны. В отече-

ственной литературе её часто называют "самсоновской катастрофой", в немецкой — "главной победой германского оружия". Итогом этой операции стало тяжёлое отступление наших войск и потери в 64% от их начальной численности. Причина этого состояла в том, что радиogramмы российских войск немедленно оказывались на столе германского командования, а русский генеральный штаб отдавал приказы, не зная, где находятся войска.

Лейтмотивом книги А.А. Зацаринного является взятая им цитата Карла Маркса: "...Человечество никогда не ставит перед собой задач, которых не может решить, ибо при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия её решения уже имеются налицо, итги, по крайней мере, находятся в процессе становления".

Очевидно, то же относится и к России. Биосферу можно назвать первой природой, техносферу — второй. Сейчас на наших глазах стремительно формируется информационно-телекоммуникационное пространство — третья природа. И это влечёт новые задачи и создаёт дополнительные проблемы.

Особенность военных научных институтов состоит в том, что они должны давать быстрый, эффективный ответ на потребности армии. Кроме того, надо искать выход, решать задачи, несмотря на имеющиеся трудности и проблемы. Их немало. США ежегодно могут производить более 3000 спутников, Китай — около 2000, а Россия — 40. Наша гражданская отрасль не делает мобильных телефонов, персональных планшетов, маршрутизаторов и многого другого. Микросхемы определяют толщину линии — размером минимального элемента. На Тайване освоили производство микросхем с толщиной линии 3 нанометра. Наши заводы производят схемы с толщиной линии 180 нанометров, осваиваются 90 и 65 нанометров. Конечно, лучше иметь своё и дешёвое, чем чужое и дорогое...

"Принципиальным отличием военных НИИ от академических, отраслевых, а также от научных центров при ведущих вузах страны было достаточно органичное сочетание всех видов научных исследований: фундаментальных, поисковых, прикладных и экспериментальных", — пишет Зацаринный.

Книга написана очень дипломатично, но её лейтмотив очевиден: военные срочные ответственные разработки должны делаться в больших серьёзных научных институтах подконтрольными людьми, а не студентами и преподавателями. Идея, реализованная в ходе реформ "Перевести науку в вузы", была огромной ошибкой. Дай бог студентам освоить предлагаемый им в институтах материал — это огромная нагрузка, тут не до науки. Да и преподаватель надо обучать по знаниям студентов, а не по количеству публикуемых ими научных трудов, да ещё и желательное в зарубежных журналах. Чем быстрее это понимание дойдёт до лиц, принимающих решения, тем лучше.

В книге отмечается большой вклад молодых, талантливых, энергичных сотрудников в разработки института. И отмечается ещё один нерешённый вопрос. И в царские, и в советские времена проводились открытые конкурсы по решению важных для армии и флота инженерных проблем. Это ориентировало инженеры и научные кадры и иногда приводило к удивительным результатам. Над важными для страны задачами должны думать многие, в том числе изобретатели и энтузиасты, как это было в нашей стране ранее. К сожалению, эта традиция утрачена. Новаторы, люди, предлагающие оригинальные решения, как правило, слышат в ответ на свои предложения: "Это нам не надо", "Такое у нас уже есть". "Не надо беспокоиться, вы просто не в курсе дела. Это всё уже сделано, но оно очень секретно". К тому же у военной бюрократии можно сплести легенды...

Впрочем, жизнь берёт своё. В ходе Специальной военной операции (СВО) оказалось, что многое, придуманное непосредственно у линии фронта, оказалось очень полезным, а образцы оружия, так и не прошедшие бюрократический частокат, тем не менее защищают сейчас наших бойцов. По телевизору начал употребляться термин "народный ОПК".

В книге перечисляются темы, проблемы, решённые институтом. Масштаб сделанного поражает: Становится понятным огромное значение 16-го Института для защиты Отечества. Очевидно, то же можно сказать и о ряде других подобных организаций. Тем не менее есть к чему стремиться. Вспомним Управление перспективных исследовательских проектов Министерства обороны США (Defense Advanced Research Projects Agency, DARPA), отвечающее за разработку перспективных военных технологий. Это агентство было создано в 1958 году после запуска советного спутника, для того чтобы было не было военно-технических "сюрпризов" со стороны СССР, чтобы сохранить лидерство в военной сфере.

Один из сотрудников этого агентства в своё время объяснил мне, что они "работают по-русски" — привлекают талантливых людей из разных сфер, рассматривают "сумасшедшие проекты" с прицелом на дальнюю перспективу, широко обсуждают открытую часть своих работ. Последнее можно рассматривать как вызов для молодых исследователей, которые хотят состояться. Может быть, и нам пора "работать по-русски".

В США очень много военных мозговых центров и институтов, в том числе занимающихся стратегическими проблемами в своей области исследований. Их видение может существенно отличаться от взглядов нынешнего военного и политического руководства страны. Но это и позволяет выбирать лучший вариант действий или технического решения из нескольких предложенных. В сверхцентрализации в этой сфере минусов гораздо больше, чем плюсов. Такая разветвлённая структура приводит к тому, что неожиданностей для руководства страны оказывается гораздо меньше, чем в случае немногих научных институтов, чётко исполняющих указания начальства.

КНИГА А.А. ЗАЦАРИННОГО прежде всего рассказывает о людях, трудившихся ранее и работающих сейчас в 16-м Институте. Обращу внимание на его наблюдения: "Возвращаясь к роли лаборатории, хотел бы отметить, что основной "движущей" силой в получении научных результатов были две категории научных сотрудников. Первую составляла "прослойка" многоопытных старших научных сотрудников, которая обладала огромным опытом проведения исследований, глубоко и профессионально владела проблематикой, пользовалась большим авторитетом в институте, у заказчика, а также в промышленности. Это были офицеры — старшие научные сотрудники в звании подполковника (а некоторые кандидаты наук — полковники) в возрасте 40–50 лет с большим стажем, без особых претензий на карьерный рост, полностью отдавались научным исследованиям.

В начале 1990-х годов эта "прослойка" была практически ликвидирована вследствие жёсткой кадровой политики, в результате которой в течение полутора-двух лет были уволены майоры и подполковники в возрасте до 45 лет и старше, а полковники — от 50 и старше. Более того, мало кто из них остался работать в институте из-за резко упавшего уровня оплаты труда.

Вторая категория — служащие, которые после увольнения остались трудиться в своих коллективах. Освобождённые от "тягот" военной службы (наряды, смотры, построения), военные пенсионеры полностью отдавались науке, высокопрофессионально выполняли порученные задания, более того, часто выходили на начальники лабораторий с интересными инициативными предложениями".

Здесь мы подошли к очень важному моменту — кадровой политике и назначению руководителей научных институтов. Если оставить "старых" руководителей, то, возможно, они будут заниматься проблемами, над которыми работали всегда и которые очень далеки от того, что мир делает теперь. Если сделать ставку на "молодых", то может оказаться, что они "не тянут" и работают хуже "старых". Кадровая политика Министерства науки и образования и Министерства обороны в течение ряда лет привела к грустным результатам. Во многих организациях стало не с кем говорить о проблемах, ради которых эти организации были созданы. Дialeктика такова, что здесь нет общих подходов, и поэтому надо ныкать в суть дела, принимать решения, брать ответственность на себя, а не следовать общим инструкциям, которые во множестве случаев ведут дело к быстрому развалу. Из книги Зацаринного следует, что в вековой истории института разумная кадровая политика была залогом успехов.

Заметим, что в нашем Отечестве есть странная иллюзия, что всё, что ни придумаешь для науки и образования или ни переймёшь у соседей, будет полезно. Технополисы, инновационные кластеры, технологические платформы, студенческие НИИ, Сколково, Сбербанк, сейчас 400 миллиардов рассчитывают пустить на кампусы (общеклетики). Атомную бомбу в СССР сделали за 4 года, а в Сколково планировали за 4 года "создать климат, благоприятный для инноваций"... Однако как бы музыканты ни сиделись, найти замену научно-исследовательскому институту не получается.

ОТДЕЛЬНО СТОИТ сказать об аспирантуре, которая в ходе реформ последних лет превратилась в нечто непотребное. В СССР результатом обучения в аспирантуре была кандидатская диссертация, содержащая "оригинальное, новое

Маршал войск связи Андрей Иванович Белов, кандидат военных наук, доктор технических наук, советский военачальник, именем которого назван 16-й Центральный научно-исследовательский испытательный ордена Красной Звезды институт Министерства обороны

решение актуальной научной задачи". Ныне Минобрнауки считает аспирантуру ещё одним уровнем образования и заставляет читать в ней курсы, которые аспиранты, окончившие институты, уже должны знать. В результате защищённых диссертаций стало намного меньше, научный уровень защищаемых работ существенно понизился.

Точки над i в этой проблеме поставлены в книге А.А. Зацаринного. В институте в течение многих лет была сформирована своя "неформальная" система требований, существенно более жёстких, чем формальные требования ВАК. Её суть, как мне представляется, выражалась в трёх основных аспектах. Первый аспект — высокие требования к практической реализации диссертационных результатов на уровне опытных образцов или даже серийных изделий военной связи, выпускаемых промышленностью, или по крайней мере на уровне технических проектов промышленности. Второй аспект — очень тщательная многоступенчатая экспертиза результатов диссертации до её представления на защиту. Прежде всего было важно добиться признания результатов в собственном научном коллективе. И, наконец, третий аспект определялся реальным авторитетом в аппарате научно-технического комитета (НТК), в промышленности, в других военных НИИ". Ни прибавить, ни отнять — по-моему, именно так должны обстоять дела в научных институтах, занимающихся прикладной наукой.

В книге А.А. Зацаринного очень много дат, фамилий, названий осуществлённых разработок. И очень важно, что люди, много лет отдавшие военной службе и научной деятельности, их родные и ученики видят: проделанная работа не забыта, и есть понимание, что она также являлась вкладом в укрепление могущества нашей Родины.

В книге А.А. Зацаринного сказаны очень важные слова о военном институте, в котором ведётся не только научная деятельность, но и военная служба: "Это — большая семья, это — особая атмосфера,

это — судьбы огромного числа людей, объединённых событиями, фактами, дружескими и товарищескими отношениями, а зачастую и родственными связями. Наконец, это — сложный комплекс взаимосвязанных в течение десятилетий организационных структур и обеспечивающей инфраструктуры".

Думаю, что такие слова можно сказать и о многих других институтах. Они важны не только как память, но и как урок для тех, кто пойдёт дальше, развивая военный потенциал России. Похожие книги, наверно, должны быть написаны и о других институтах. 16-му НИИ МО повезло: нашёлся человек, осознавший важность задачи — рассказать о вековой истории института — и прекрасно сделавший это.

В историю вошла приписываемая Отто фон Бисмарку фраза о том, что войны выигрывают приходской священник и школьный учитель. Иными словами, важны нравственные основы и идеология народа, и уровень знаний. В настоящее время на Западе всё чаще стали говорить о "вечной войне" против России. Да и та борьба с Западом, которую ведёт наша страна на Украине, заставляет расширить бисмаркову формулу. Успехи наших солдат определяются не только их мужеством и стойкостью, но и объёмом и уровнем военной техники, которая у них есть, и умением её использовать. Уровень техники зависит от знаний и творчества тех людей, которые её создают, и от новых идей, которые в ней воплощены. Эти идеи рождаются в лабораториях учёных, на семинарах, полигонах. Перефразируя слова В.И. Ленина, можно сказать: "Наш лозунг должен быть один — заниматься военными научными проблемами настоящим образом".

Книга А.А. Зацаринного показывает, как это следует делать.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ, профессор, действительный член Академии военных наук, доктор физико-математических наук

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ АУДИТ

IT-гиганты и управление ценами

Окончание. Начало — на стр. 1

СИТУАЦИЯ с маркетплейсами ещё сложнее, важнее и острее, чем с "Яндекс"-такси. Изрядная часть пунктов выдачи находится в малых и отдалённых городках и сёлах, с реальным упрощением и удешевлением покупок для небогатых жителей, хотя повторимся и про половину потребления 10% богатых. Маркетплейсы занимаются сложной логистикой, оперируют огромными складами и множеством грузовиков, как если бы "Яндекс" сам управлял таксопарком подконтрольных к своему сервису такси.

Комиссии маркетплейсов и их работа с продавцами и пунктами выдачи несколько раз становились предметом острых дискуссий за последние годы, с попыткой внесения соответствующего законопроекта и регулирования этих отношений. На складах и в логистике работает много мигрантов, и СМИ сообщали о выявлении работников без регистрации, а пункты выдачи — в основном малый бизнес на Упрощённой системе налогов (УСН) с некоторыми признаками дробления бизнеса.

От политики маркетплейсов прямо зависит рост внутреннего производства или импорта, поскольку преимуществ для тех или иных продавцов выстраиваются тарифной сеткой: буквально сколько и с кого брать денег за склад и доставку. Маркетплейсы бьют по традиционным торговым центрам, избыточным во многих крупных городах, зачастую построенным задорого и в кредит, отчасти устаревшим концептуально, но выплачивающим существенные налоги на недвижимость.

Так что Счётной палате точно есть что проанализировать в деталях в работе маркетплейсов, попытаться предложить решения на стыке торговой, промышленной и социальной политики государства. Следует ещё раз подчеркнуть, что в основе таких решений лежат цены и их пропорции на те или иные опции комиссий и услуг маркетплейсов, правильно задавая которые можно добиваться нужного эффекта в нашем развитии.

КАК СВЯЗАНЫ ЦЕНЫ, внутренняя политика и общественное мнение? Вообще, можно ли через Счётную палату прижать американский "Ютуб"? "Ютуб" навязывает про-западный контент, ограничивает и даже удаляет патриотический, а сторонники позиции ничего с этим не делают и указывают на множество чисто развлекательных роликов на "Ютубе". Вроде бы российские видеохостинги пытаются отговаривать долю рынка "Ютуба", но пока не очень это получается, поскольку они сильно зависимы от рекламы, которая сильно раздражает зрителей,

особенно на фоне отсутствия рекламы для нашей страны в "Ютубе".

Видео смотрят через операторов мобильной и проводной связи, а крупнейшие операторы связи в нашей стране мало зависят от западных правительств. Потребовать от самого "Ютуба" следовать нашим национальным интересам невозможно. Но можно повлиять на него через операторов связи. Сейчас опция тарифов на безлимит "Ютуба" стоит около 150–200 рублей при среднем платёже абонента связи около 500–800 рублей ежемесячно. Операторы связи пока не всегда полностью блокируют нежелательный контент, но умеют вычлнять видеотрафик "Ютуба" для своих маркетинговых и тарифных ухищрений.

Почему же не посчитать, не проанализировать в рамках стратегического аудита, сколько операторы связи должны брать с абонентов за просмотр "Ютуба"? Может 300, 500 или даже 1000 рублей в месяц с каждого абонента? С социальными минимумами умеренного количества просмотренных гигабайтов в отдалённых небогатых регионах. Дополнительные деньги сами же операторы связи могли бы использовать на развитие российских видеоплатформ, без рекламы, с разумными доплатами ведущим авторам контента.

Газета "Завтра" много раз поднимала эти вопросы в публикациях 2023 года: "Сколько стоит "Яндекс", исходя из реальной прибыли и нефинансовых налогов", "Яндекс" и налоги", "Wildberries, "Яндекс", Сбер, "самозанятые" и пенсии: новые законы или простые критерии ФНС?", "Реклама не двигатель прогресса, а убийца телевидения", "Кина не будет? "Ютуба" тоже? С кого взять и кому дать денег", "Сбор с "Ютуба" на поддержку российского контента".

Таким образом, стартовое заявление нового главы Счётной палаты лишь на первый взгляд кажется узким. На самом деле Борис Ковальчук нацелился на наведение порядка в деятельности IT-гигантов, имеющей огромное значение и для каждого из нас, и для нашей экономики, и для суверенитета в целом. Также очевидны отсылки к советской практике управления ценами через Госкомцен, который был важнейшим органом в связке с Госпланом.

Сергей АНУРЕЕВ, доктор экономических наук, профессор Кафедры общественных финансов Финансового университета

Замена бордюров и плитки стала визитной карточкой современной Москвы, их меняют на улицах, в переулках, во дворах. Всё выглядит добротно, столица хорошеет, становится привлекательнее для туристов и жителей. Это называется благоустройством, от слова "благо". На благоустройство город выделяет десятки миллиардов рублей ежегодно.

Но есть проблема, которая заключается в слишком частой смене бордюров, бывает, спустя всего несколько лет после предыдущей смены. Ещё вполне хорошие бордюры выковыривают и меняют на примерно такие же. Жители недоумевают по поводу такого расточительства и выдвигают самые конспирологичные версии.

Бордюринг останавливался весной 2020 года, когда было неясно с экономикой и бюджетными деньгами. Затем притормаживался летом 2022 и 2023 годов, когда деньги уходили на восстановление Донецкой Народной Республики (где Москва по межрегиональным связям помогала Донецку). Весной 2024 года, по-видимому, в экономике и бюджете всё в порядке: раз массово меняют бордюры, значит, жизнь налаживается.

СТОЛИЧНЫЙ БОРДЮРИНГ

Благоустройство или расточительство?

СРЕДИ ЖИТЕЛЕЙ и гостей столицы ходит шутивное сравнение бордюров и египетских пирамид. Египетские пирамиды строили долго, в тучные годы активнее, в тощие годы с паузами. В урожайные годы можно было кормить больше рабов — строили, в неурожайные кормить рабов было трудно — не строили. Только пирамиды простояли несколько тысяч лет, став одним из чудес света и визитной карточкой Египта, а столичный бордюринг это не светит.

Другая версия бордюринга заключается в идущем ещё из 1990-х желании сделать столицу привлекательным городом европейского типа: даже размеры плитки в центре Москвы и дизайн благоустройства подозрительно напоминают центральные улицы Лондона. Сейчас на фламанские места в центре города оригинальных дизайнерских идей хватает, а вот в срединном городе и на окраинах просто перекалдывают бордюры.

На ряде информационных щитов о благоустройстве (такие в обязательном порядке размещаются у объекта работ, с сутью, картинками и ответственными) появлялись надписи буквально о стимулировании районных управ. Кого и чем стимулируют? Жителям непонятно, и это ещё сильнее обостряет фобии, что ЖКХ является "чёрной дырой" российской экономики. Бордюры в представлении людей связаны именно с благоустройством, а не с новым дорожным строительством. Благоустройство является частью системы ЖКХ, а районные управы в основном за ЖКХ и отвечают. За другие аспекты государственной жизни в Москве отвечают власти более высокого уровня — префектуры и мэрия.

Кроме того, говорят, что для районных бюрократов бордюринг удобен, поскольку требует минимального согласования. Ведь для того, чтобы строить дорогу или реконструировать объект культурного наследия, требуется куда более серьёзное согласование. Дескать, рядовые со-

трудники районных управ (которые и участвуют в согласовании бордюринга) и типичных районных ГБУ "Жилищник" звёзд с неба не хватают — зарплаты невысокие, бюрократии много, и потому система в целом выбирает самые простые пути достижения результатов.

Следующее объяснение связано с тем, что у мэрии глаза и руки доходят только до знаковых проектов, а благоустройство районов отдаётся на откуп низовому звену чиновников, и всё странное происходит именно от недогляда сверху в условиях объективно огромного города и сложности его развития. Метро впечатляюще строится, и, дескать, можно и простить недогляд за бордюрами. Но неужели в Москве так мало толковых дизайнеров и креативных местных чиновников, неужели нельзя согласовывать действительно нужные проекты с делегированием полномочий вниз?

Сделапи парк "Зарядье", пусть задорого, но получился действительно знаковое место, как минимум на десятилетия, может, на века (или вновь всё передедается?). Удачно благоустроили некоторые парки, хотя чата в парках — просто массовая смена бордюров и дорожек. В 2000-х годах достроили дворец Екатерины II в Царицыне, воссоздали деревянный дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском — тоже недёшево, но знаково. Эти два объекта курировал Пётр Бирюков, тогда префект Южного округа (по месту их расположения), теперь он заместитель мэра по ЖКХ и благоустройству, а значит, и по бордюрам. Он же и единственный крупный столичный чиновник ещё лужковской команды.

Очередная версия: бордюринг может рассматриваться как капиталовложение. Майскими указами о целях национального развития предписана доля капиталовложений как процент ВВП или (в недавнем обновлении) как рост на 60% за 6 лет. Если дворник убирает снег, а садовник ухаживает за клумбами — это текущие

расходы, а не капиталовложения. Поэтому зимой дворники на уборке улиц маловато, а летом на бордюринге занято много физически крепких людей. Только вопрос, насколько такие капиталовложения содействуют долгосрочному экономическому росту, и не является ли это манипуляцией с Майскими указами?

Московский бордюринг выглядит особенно расточительно на фоне райцентров даже ближайших к Москве областей. Например, на видеоплатформах можно найти ролик "Тверская область — погибшая Атлантида" с 4 млн просмотров (уровня передачи Первого канала в прайм-тайм) о запустении многих прежде густонаселённых городков с остатками бывшего архитектурного великолетия. Кстати, Тверская область по площади — как Австрия, а история Тверской области весьма впечатляющая. В Москву стекаются многие деятельные люди, за ними стекаются деньги, и получается, что Москва пухнет от денег, а даже соседние регионы... — сами подберите слово. Может, стоит перенаправить хотя бы часть московских бордюрных денег на райцентры с историей?

Но даже если перекинуть бордюрные деньги и рабочую силу из Москвы в регионы не получится, много нужного можно сделать в самой столице.

В Москве по-прежнему много линий электропередач на опорах, примерно 10–15% площади города, а под ними чаще всего гаражи или пустыри. Программа переноса ЛЭП в подземные коммуникации реализуется, но с перекачкой на неё бордюрных денег и людей Москва бы реализовывалась быстрее. Хотя согласовывать перенос ЛЭП или создание под ней новых парков куда сложнее, чем перекалывать бордюры, но оба эти направления входят в систему ЖКХ и отчасти строительства.

Много знакового можно было бы реконструировать или воссоздать в каждом округе по типу Царицына и Коломенского. Исторические фотографии и проектные документы есть, почему бы не воссоздавать хотя бы по одному историко-культурному объекту в год в каждом округе? Хотя, как и в случае с ЛЭП, потребуется иная квалификация чиновников и урбанистов при согласовании и особенно при выполнении подобных работ.

СВО и восстановление инфраструктуры новых регионов ещё больше заостряют вопрос о целесообразности массового примитивного бордюринга. Москва курирует Донецк, в Москве — самые высокие подъёмные военнослужащим-контрактамкам. Но всё ли сделано Москвой для технического обеспечения военнослужащих? Есть ли, например, массовое производство так нужных фронту беспилотников на территории столицы? Или беспилотники не проходят как капиталовложения?

Алексей ГОНЧАРОВ